

Юлия Дитрих

Не отпускай МЕНЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глеб	7	Вера	200
Вера	10	Глеб	213
Наталья	11	Прокофьевна	218
Прокофьевна	16	Вера	220
Глеб	17	Глеб	230
Прокофьевна	27	Прокофьевна	233
Вера	29	Глеб	235
Глеб	32	Прокофьевна	237
Вера	32	Вера	243
Глеб	36	Глеб	245
Вера	41	Вера	246
Глеб	49	Глеб	251
Прокофьевна	53	Вера	255
Глеб	57	Глеб	258
Прокофьевна	59	Прокофьевна	259
Вера	63	Глеб	261
Глеб	77	Светлана	263
Прокофьевна	80	Прокофьевна	265
Вера	81	Глеб	268
Глеб	85	Прокофьевна	273
Вера	90	Вера	281
Глеб	93	Прокофьевна	284
Вера	95	Вера	289
Глеб	102	Глеб	295
Вера	109	Вера	302
Глеб	114	Прокофьевна	316
Прокофьевна	115	Вера	317
Вера	118	Прокофьевна	318
Прокофьевна	131	Вера	319
Вера	133	Глеб	324
Глеб	136	Прокофьевна	333
Вера	140	Вера	337
Прокофьевна	150	Наталья	340
Глеб	150	Вера	342
Светлана	160	Глеб	345
Вера	161	Прокофьевна	356
Прокофьевна	169	Вера	357
Вера	179	Глеб	360
Глеб	183	Эпилог	365
Прокофьевна	186	Благодарность	368

Глеб

Глеб застыл на пороге комнаты в недоумении: «Как такое могло случиться? Со мной? В этой глуши!» Он смотрел на молодую женщину, лежащую без сознания в кровати, и понимал, срочно нужно ехать за Прокофьевной, самому ему не справиться.

А четверть часа назад Глеб спокойно спал. В его сегодняшней жизни звонок мобильного посреди ночи был чем-то совершенно из ряда вон выходящим. Он нащупал на тумбочке телефон, на экране высветилось время – без четверти три.

– Наташа? Что случилось?

Он выслушал прошелестевшие в трубке объяснения. Что за ерунда? Какая такая больная? Куда мне здесь больная?

Времени на раздумья не было. Глеб быстро оделся и вышел из здания станции на перрон. Ночная тишина приняла его в прохладные объятия. К счастью, долго ждать не пришлось: уже через минуту огни поезда выхватывали мохнатые еловые лапы из тёмной стены леса.

Остальное произошло так быстро, что Глеб и понять ничего не успел. Наталья с каким-то мужчиной вынесли из вагона молодую женщину.

– Её нужно срочно показать Прокофьевне, – деловито распорядилась Наталья.

– Но... – возразил Глеб, – Что с ней такое? – Он растерянно смотрел на хрупкую, темноволосую незнакомку, на тонкую кисть, которая как тряпичная свисала с Натальиного плеча.

«Сюр какой-то!» – подумал Глеб.

Объяснять, что произошло с пассажиркой поезда, Наталья не торопилась. Она передала женщину Глебу.

– Её зовут Вера. Заносите, я возьму из купе вещи.

Наталья поспешила обратно в вагон.

– Куда несём? – спросил мужчина.

– В конец коридора, – кивком показал Глеб. Кроме его спальни, на старой станции была только одна обставленная комната. Они уложили женщину в кровать. Пока Глеб достал из шкафа постельное, пока снял с больной толстую кофту и накрыл одеялом, Наталья вернулась с большой дорожной сумкой, поставила её на пол.

– Наташ, ну что мне делать с ней? Вы уже утром будете в городе, довезли бы.

– Я бы повезла, но ей так плохо. Она сознание теряет. А тут знахарка твоя в десяти минутах. Не знаю, сколько у Веры времени. Не станет ли ей через час так плохо, что я посреди перегона не буду вообще знать, что с ней делать. Ты, Глеб, просто привези Прокофьевну. Она же, сам знаешь, со всём разберётся.

Глеб хотел возразить, но не нашёл подходящего аргумента.

– Всё, времени нет, – сказала Наталья, оглядываясь на дверь, и добавила. – Я тебе утром позвоню. – Она на секунду задумалась и добавила, – Извини, непредвиденные обстоятельства.

Через секунду Натальи и след простыл, а Глеб стоял возле кровати, смотрел на непрошеную гостью.

Вера, Вера... что мне с тобой делать?

Он потрогал её лоб – горячий, сухой. Вера заворочалась, но не очнулась.

Нужно Прокофьевну привезти.

Глеб не был подготовлен к «непредвиденным обстоятельствам». Такие обстоятельства никак не соотносились с мерным течением его жизни. Поэтому он и живёт в глуши, на старой станции, где уже много лет не останавливаются поезда. Он не ожидал ночного вторжения, и поэтому растерялся.

Когда же поезд исчез за поворотом, Глебу оставалось сердиться только на себя.

Попался, как глупый мальчишка!

Он покачал головой, взял ключи от машины и вышел из дома. Лес затих, словно ничего не случилось. От поезда не осталось ни следа, ни звука.

Вера

Несколько часов назад Вера стояла на пыльном перроне в родном городке. Ожидание с ней делили только голуби. Расчётливые птицы расхаживали по заплёванному асфальту и ожидали подаяния из семечек или крошек. Вера птичьего ворчания не замечала: она всматривалась вдаль. Оттуда должен был приехать скорый.

Вот уже десять лет, как Вера хотела уехать из маленького сонного городка, в котором родилась, окончила школу, вышла замуж. Здесь прожила она без малого три десятка лет. Уже через год после свадьбы, по ночам, лёжа рядом со спящим мужем, начала она слушать, как прибывают и отправляются поезда, как они уносят своих пассажиров куда-то вдаль, прочь от этого отравляющего спокойствием места.

Высокое солнце не знало пощады. Из-под завязанных в пучок кудрей за воротник медленно

стекали капельки пота. Голуби уже перестали обращать на Веру внимание, окончательно в ней разуверившись.

Где-то вдали раздался тонкий гудок. Сердце Веры затрепыхалось в горле. Затаив дыхание, она ждала, когда же поезд покажется из-за поворота. Тот самый спасительный поезд, который увезёт её отсюда навсегда.

Спустя всего несколько часов Вера сидела в купе, и с каждой минутой ей становилось всё хуже и хуже.

Какая ирония... Как же так получается? Я вырвалась, я решила. Заболеть именно сейчас – какая несправедливость!

На Вериных щеках словно всё ещё полыхал жар полуденного перрона. Она старалась не двигаться, но пустая полка напротив всё равно плыла перед глазами.

Наталья

Начальница поезда Наталья Веденева смотрела в окно, но не видела укутанных в седые сумерки пейзажей. Колёса поезда отсчитывали секунды, которые складывались в минуты. Времени Наталья тоже не замечала.

Кто-то глухо закашлял в соседнем купе.

Наталья вздохнула и вернулась к незаконченному письму. Перечитала неровные строчки.

«Милый мой Ванюша!

Получила долгожданную весточку. Ты был прав, письмо идёт так долго, что ты успеваешь мне позвонить. Вот вроде всё уже слышала от тебя, а получить весточку, пусть и со старыми новостями, всё равно приятно. Наверное, моё письмо тоже найдёт тебя нескоро. Сынок, я ночей не сплю, каждую минуту думаю о тебе. Как ты там? Всё ли хорошо? Я спрашиваю себя, может ли быть хорошо там, где голод и болезни, и где каждый день твоя жизнь и жизни твоих пациентов зависят от того, доставят ли вам питьевую воду. Знаю, как важно то, что вы делаете, но сердце моё не знает покоя...»

Из звонка сына Наталья знала, что воду удалось провезти через зону мятежа и её должно хватить больнице на месяц.

Но ведь это значит, что она скоро закончится. И что же тогда?

Что тогда? Страшный вопрос навалился на Наталью: не вдохнуть – не выдохнуть, и так, пока не стало совсем неважно. Из головы никак не шла мысль: «Что же тогда?». Думать об этом было страшно, не думать – невозможно. Холодным тугим комком свернулось сердце в груди. Наталья

отложила письмо, поднялась и вышла в коридор.

Поезд спал. Наталья шла мимо одинаковых, как братья-близнецы, дверей. Это были те редкие мгновения, когда коридоры пусты, а купе безмолвны. В другой день это было бы самое спокойное для Натальи время. Но не сегодня. Сегодня ей чудилось, что Ванюше угрожает не только инфекция и скудные запасы воды, не зной и не иссохшая земля, не насекомые, – ей казалось, что сама зона мятежа душно сжимается вокруг полевого госпиталя. «Всё дело в недописанном письме», – думала Наталья. – «Его нужно дописать». Отчего-то ей казалось, что слова матери прилетят к сыну, и они обязательно должны что-то изменить.

Мимо одинокой фигуры в коридоре четвёртого вагона Наталья уже было прошла мимо. И совершенно случайно, в последнее мгновение, она обратила внимание на стоящую у окна женщину. Наталья увидела серое измождённое лицо, глубоко завалившиеся глаза и распластанные по вискам завитки волос:

– Что с вами? Вам нехорошо?

– Мне что-то нездоровится, – с трудом, хриплым голосом ответила пассажирка.

От взгляда Натальи не укрылось, как тяжело она опирается на стену и как кутается, несмотря на

жару, в длинную вязаную кофту. «Да ей, похоже, не просто нездоровится», – подумала Наталья.

Она бросила взгляд на часы. Почти час. А значит, остановка нескоро, впереди целая ночь.

– Идёмте со мной. В служебном купе есть аптечка, – сказала она.

Пассажирка тяжело оторвалась от стены, качнулась. Постояла с закрытыми глазами и только спустя пару секунд кивнула:

– Идёмте.

У себя в купе Наталья усадила больную на полку и в ярком освещении смогла её разглядеть. Глаза у пассажирки большие, необычного цвета, в точности зрелая черника. Тёмные брови, смоляные волосы в тугом пучке. Пассажирка выглядела моложе, чем показалось Наталье в полумраке коридора. «Красивая, – подумала Наталья. – Бледная только, как смерть». Она достала пару подушек, уложила больную на полку и накрыла одеялом.

– Как вас зовут?

– Вера, – ответила пассажирка слабым голосом.

– А меня – Наталья. Давай на ты?

Вера еле заметно кивнула.

– До какой станции у тебя билет?

– До конечной.

Вера заёрзала под одеялом, словно ей было не по себе. Но Наталья расспросов не оставляла:

– А когда ты себя почувствовала плохо?

– Сразу, как в поезд села.

– Ну хорошо, – подытожила Наталья. – Сейчас я за кипятком схожу. Сделаем тебе питье. Давай, устраивайся поудобнее.

Она взяла со стола чайник и вышла в коридор к титану набрать горячей воды.

Вскоре Наталья вернулась. Она заварила каркаде, накрыла стакан блюдцем и, пока чай настаивался, достала аптечку. Раскрыла её и задумалась.

Чем эту бедную Веру лечить? Одно дело – каркаде с мёдом, другое – лекарства. Как там было? Не навреди?

Ладно, температуру сбить нужно, как ни крути.

Такой простой вывод Наталью успокоил, и она достала таблетки. Подсвеченный ночником чай переливался всеми оттенками багряного. Наталья сбобрила чай ложкой мёда, заботливо перемешала и протянула Вере.

С нарастающей тревогой проводница наблюдала, как всего за час ухудшилось состояние её подопечной. До ближайшей станции ещё долго, а Вера уже два раза впадала в забытье. Теперь она

лежала, откинувшись на влажные подушки, со лба катились крупные капли пота, Вера тихо бредила.

Видно, чтобы сбить температуру, нужны средства посерьёзнее.

Наталья вышла из купе и, уже не видя мечущуюся от жара Веру, смогла сосредоточиться на поиске выхода из положения. Решение пришло неожиданно. Ещё четверть часа и ничего нельзя было бы сделать, потому что поезд не тот вид транспорта, который легко развернуть назад. Но спасительная мысль озарила Наталью вовремя, в тот самый – нужный момент.

Прокофьевна

Уже прошло несколько часов с того времени, как Прокофьевна разобрала кровать, но так и не легла, маялась неприкаянная по избе. Всё находилось что-то, что передвинуть, убрать или протереть. Так и ходила она из угла в угол, переставляла баночки, перекладывала пучки трав. В избе пахло хлебом. Хлеб Прокофьевна пекла по пятницам, так его тёплый дух витал по горнице все выходные. В этом доме так было заведено задолго до того, как Прокофьевна поставила в печь свой первый каравай.

И так будет, покуда я жива. И что я скитаюсь,

как сама не своя. Спать нужно ложиться. Завтра в лес. Нахожусь – намаяюсь.

Но собственные уговоры не действовали. Она словно позабыла что-то важное и никак не могла вспомнить. Тихонько, со скрипом пружин, часы отмерили двенадцать, потом час.

Ещё одна бессонная ночь. И что ж беспокойно-то так?

Звуку мотора в спящей деревне Прокофьевна не удивилась, да и кто приехал, для неё секретом не было.

Глебушкина машина. И что за заботы он мне несёт в такой час?

Прокофьевна накинула халат и вышла на крыльцо:

– Доброй ночи, Глебушка. Что стряслось?

Глеб двигатель не глушил. Прокофьевна понимающе кивнула.

– Сейчас сумку возьму, по дороге расскажешь.

Глеб

Прокофьевна собралась за минуту. Взяла чемодан со снадобьями и уже вскоре на станции заваривала пахучие настои и прикладывала компрессы ко лбу больной.

– Первые сутки определяют всё, – сказала она.

Прокофьевна дала чёткие наставления, что с чем мешать, как заваривать, и вернулась в деревню.

Глебу расслабляться не приходилось: он просидел над больной всё утро и добрую половину дня.

Солнце стояло высоко, когда Глеб решил передохнуть. Заварил на кухне чай и достал из холодильника сыр. Со вчерашнего дня у него маковой росинки во рту не было.

Забавно, а ведь ещё несколько лет назад я бы и не подумал, что поверю в таких, как Прокофьевна, людей.

Глеб вспомнил свой приезд на станцию. Пять лет прошло с тех пор, как после смерти Киры Глеб бежал из родного города. Согласился на переезд словно в тумане. «Зачем я на это подписался?» – недоумевал он уже в поезде. Он отправлялся в такое отдалённое место, где услышать человеческий голос можно, лишь протрясаясь за рулём минут сорок. В ногах стояли чемоданы, плотно набитые их с Кирой прошлым.

Так он очутился на старой станции, с которой уже давно никто никуда не отправлялся. От былой жизни тут осталось одноэтажное здание и блестящая лента железной дороги, к этому немудрёному хозяйству прилагалась должность

смотрителя.

Когда Глеб впервые увидел станционный дом, стены с добела выцветшей, осыпающейся краской, наглухо заколоченные окна, то подумал, что для него это самое правильное место.

«То, что нужно», – решил он. Ему казалось, что в глуши будет легче, ведь в городе его жизнь обременяли сочувствие и жалость. Встречи с друзьями отравляла преувеличенная забота. От неё Глеб ещё больше осознавал потерю. И в конце концов, он уже не испытывал ничего, кроме злости.

Сначала переезд казался избавлением. А через пару недель всё стало меняться. Не было больше друзей, на которых можно злиться, не было родственников, которых нужно избегать. Ничто больше не отвлекало. В сухом остатке у Глеба осталось одно только чистое, ничем не прикрытое горе.

Тишина и спокойствие старой станции подчеркнули пустоту в жизни Глеба. И эту пустоту заполнила Кира. Одновременно естественно и в то же время мучительно мысли о жене не давали Глебу покоя. Чувство несправедливости накрывало волнами и топило в бескрайней, как море, тоске. Это чувство следовало за Глебом по пятам днём и ночью. Особенно ночью.

Глеб понял, что не спит уже вторую неделю. Его преследовали сны наяву. По ночам в тёмных углах дома он стал видеть то, чего не было и быть не могло. Он не на шутку испугался и поехал в деревню, купить успокоительное или, на крайний случай, выпивку.

Что удастся достать. Мне нужно поспать...

В деревне Глеб узнал, что самогон можно купить у братьев Тыровых, ну а за «спокойным» его отправили к Прокофьевне.

– Синяя хата на том конце улицы, за овражком, – направил Глеба веснушчатый пацанёнок.

Уже через минуту Глеб вошёл в низкую дверь. В комнате возле стола стояла сухонькая женщина. Открывшаяся сцена напомнила Глебу передачу «В гостях у сказки», он хмуро усмехнулся.

Зачем я здесь? Это какая-то шутка. Здесь нет того, что мне нужно.

– Входи! Что ж дверь перегородил? – Голос у хозяйки дома оказался неожиданно звонкий.

Прокофьевна смотрела на застывшего истуканом гостя:

– Ну, что, проходить будешь? Или домом ошибся?

– Не ошибся, – решился, в конце концов, Глеб. Несмотря на полуденное солнце, в комнате

было сумрачно и прохладно. Хозяйка коротким жестом указала на стул во главе стола. Глеб молча сел.

Прокофьевна к делу переходить не торопилась. Ловкими движениями в каменной ступке она перетирали терпко пахнущие корни. А Глеб сидел и думал: «Зачем я сюда пришёл?»

Он ожидал увидеть что-то вроде аптеки, а никак не кухню средневековой колдуньи. Голова его была странно пуста. С одной стороны, он понимал, что пришёл напрасно, а с другой – впервые за долгое время испытывал странное успокоение. Глубокое и настоящее умиротворение. Это чувство накатило неожиданно, но так сильно, что Глебу было страшно двинуться.

На секунду Прокофьевна перестала толочь и посмотрела на гостя. Её бледно-голубые, кристально чистые глаза казались молодыми и никак не вязались с морщинами на лице. И хотя она ничего не говорила, у Глеба всё же возникло ощущение, что видит знахарка гораздо больше, чем ему бы хотелось.

Он не знал, с чего начать. Что говорить? Небольшого роста, сухонькая, с необычайно прямой осанкой хозяйка дома спокойно продолжила своё дело. Лицо её было светлым, испещрённым

глубокими морщинами. Глебу она нравилась.

«Сколько ей лет? Семьдесят, восемьдесят?» – гадал он.

Ещё через минуту Прокофьевна отложила толкушку и сказала:

– Снадобье дам тебе завтра, сегодня нужно поспать. Иди на двор, направо сарай, поднимись по лестнице, сено сухое. Ложись. Утром разбуду.

Мягкие, но уверенные распоряжения Прокофьевны Глеба не убедили:

– Мне снотворное нужно. Я без него не засну.

Глаза женщины зажглись улыбкой:

– Иди, милый, ложись. Обо всём остальном завтра беспокоиться станем. Успеется.

И Глеб решил не сопротивляться.

Да и к чёрту, мне терять нечего! Если она думает, что я смогу уснуть, почему не попробовать.

Чем-то старая женщина подкупала. В её глазах Глеб видел искренность. И совершенно не чувствовал в них лукавства «продавца веры».

Глеб зашёл в большой деревянный сарай. Прикрыл за собой высокую створку двери и с минуту постоял, давая глазам привыкнуть к сумеркам. Потом увидел ведущую под крышу лестницу. Забрался по добротнo сколоченным деревянным

ступеням. Улёгся. Сено было колким и душистым. Через щели в стенах проникали редкие лучи солнца. В их призрачном свете задумчиво танцевали пылинки.

Глеб думал: «Что же сделать, чтобы избавиться от воспоминаний хотя бы на время?». Со смерти Киры прошло больше полугода, но для него ничего не поменялось. Впрочем, нет, кое-что изменилось. Он больше не ждал, что она вот-вот войдёт в дверь. Или что он проснётся утром, а она тихо дышит рядом, и длинные светлые волосы, вот такого же цвета, как эта солома, рассыпаны по его плечу.

Глеб смотрел на подсвеченные сухие стебельки, и ледяная ладонь, которая сжимала его сердце вот уже долгое время, неожиданно отпустила. Он думал о единственной женщине, которую любил, её глазах цвета жжёного сахара – таких живых и полных света.

Время остановилось. Глеб почувствовал на лбу лёгкую Кирину ладонь. Она успокаивала своей прохладой. Глеб закрыл глаза и почувствовал, как жена гладит его по лбу, по отросшим волосам, как целует прикрытые веки. Он слышал её шёпот:

– Спи, любимый. Я побуду рядом... спи...

Глеб потрянул головой и залпом допил остатки чая. Довольно воспоминаний! Прокофьевну нужно снова везти.

После чая он почувствовал прилив энергии. Но знал, что после бессонной ночи этот эффект временный, и потому решил поездку не откладывать.

Солнце стояло в зените. Машина поднимала пыль и клевала носом по ухабистой грунтовке. Глеб устало щурил глаза и старался не поддаваться укачивающему ритму.

Прокофьевны дома не оказалось. От соседки Глеб узнал, что «лекарка ушла в лес, а когда вернётся, не сказала». Не оставалось ничего, как сесть на лавку возле забора и ждать.

Прождал Глеб около получаса, на душе было беспокойно.

А что, если Вера проснётся? Испугается. Нужно было ей записку оставить.

А что, если ей хуже станет? Принесла нелёгкая забот мне на голову.

Мимо проходил Василий Тимофеевич, местный пасечник. Увидел Глеба, подсел на край скамейки. Чинно раскурил папиросу. Глеба уже давно не удивляла простота и размеренность

деревенской жизни. Тут не принято проходить мимо, уткнувшись усталым взглядом под ноги. Напротив, каждый поприветствует и остановится перекинуться словечком-другим.

– Ну и лето нынче стоит, – проговорил, наконец, Тимофеич и, чтобы выразить всю силу неодобрения, громко поцокал языком.

– Да-а, жарко... – нашёлся Глеб, внимательно разглядывая свои сцеплённые в замок пальцы.

Что Глебу нравилось в деревенском общении, так это то, что как бы немногословно оно ни протекало, никто никогда тебя не заподозрит в нежелании говорить. Глеб мог бы просто хмыкнуть или вообще промолчать, и Тимофеич, скорее всего, воспринял бы это как вполне приемлемое течение диалога.

– Прокофьевну ждёшь? – спросил старик.

– Её, – ответил Глеб.

Тимофеич снова замолчал. Курил он со вкусом, на каждой затяжке прикрывал глаза и втягивал вислые, поросшие седой щетиной щёки так глубоко, что казалось, у него совсем не осталось зубов. А когда докурил, добавил к немногословной беседе:

– Дождётся, передай, чтоб ко мне зашла. Я ей соты приготовил, она просила.

На этих словах пасечник бросил серый обмокший окурок под лавку. Деловито вдавил его носком резинового сапога. Оглядел тщательность захоронения и поднялся со скамьи. Уже развернулся, чтобы уходить, но добавил:

– Ну, бывай, Глеб. Ты Прокофьевне-то передай, что наказал. Не забудь.

– Передам. Бывай, Тимофеич.

Заложив за спину руки и прихрамывая, Тимофеич отправился дальше. Глеб долго смотрел старику в спину, пока тот не скрылся за поворотом пыльной дороги. Спустя четверть часа из-за поворота показалась Прокофьевна. Она несла перекинутые через плечо плетёные корзины.

Глеб пошёл ей навстречу.

– Здравствуй, Прокофьевна! Снова я к тебе, – поздоровался он и забрал у знахарки неожиданно увесистый груз.

– Здравствуй, Глебушка. Идём, только сборы занесём.

Глеб едва поставил корзины в сених, как Прокофьевна уже вышла с большой кожаной сумкой в руках. Глеб улыбнулся.

Такая миниатюрная, а тут этот огромный фельдшерский чемодан прошлого века.

Дорога обратно на станцию показалась

короче. Прокофьевна сидела задумавшись. Глеб вспомнил просьбу пасечника.

– Тимофеич просил передать, что соты готовы.

– Зайду завтра, – рассеянно ответила Прокофьевна и снова погрузилась в свои мысли.

Глеб оставил её в покое. Ему тоже было о чём подумать.

На станции Глеб вытащил чемодан и пошёл к дому. Навстречу, радостно виляя хвостом, выбежал рыжий пёс. Выражение хитрой, почти лисьей морды удивительно напоминало улыбку. Глеб потрепал пса за уши и завернул за угол дома. Он и не заметил, что Прокофьевна отстала.

Прокофьевна

Прокофьевна вышла из машины, но за Глебом идти не спешила. Остановилась на краю раскинувшегося за станцией поросшего полынью пустыря.

Полынь в цвету. А пахнет как...

Она глубоко вдохнула свежий, вопреки названию совсем не горький запах травы.

Когда-то давно, когда Прокофьевна была совсем девчушкой, на этом месте расстилось только бескрайнее полынное поле да лес по другую сторону. Между ними змейкой серебрилась тонкая

лента рельс. Всё остальное пришло позже, приросло на старую канву. Потом на станции появился Глеб. Поселился здесь и стал частью поля и леса, частью деревенской жизни.

Прокофьевна привыкла прислушиваться к внутреннему голосу. Она всегда знала, что ей дан особый дар. С детства он выделял её среди других детей. И, как ни противоречило это книгам или поверьям, ей не нужно было принимать свой дар или им овладевать. Он изначально был частью её, и пользовалась она им так же естественно, как здоровый человек пользуется руками или ногами.

Впрочем, дело было не в одном только даре. Многому молодую знахарку научили бабка и матушка. Бабка Прокофьевны – прирождённая травница, рецепты ей приходили по наитию, из ниоткуда. Как они рождались в её голове, никто не мог сказать. То ли из знаний прошлых поколений, то ли просто из переплетения снов и мыслей. А возможно, они посланы ей оттуда, где кто-то заботился о страждущих и нуждающихся в помощи? Даже сегодня Прокофьевна затруднялась ответить на этот вопрос.

Она вообще значительно меньше верила в сверхъестественное, чем те люди, которые приходили к ней за помощью. И всё же у Прокофьевны

скопился свой набор убеждений. Она твёрдо верила, что людские встречи не происходят просто так. Верила, что каждая из них на этом свете для чего-то нужна, и ни один человек не приходит в твою жизнь без какого-то умысла. Ты можешь с первого мгновения распознать или же, напротив, никогда так и не понять, для чего человек был тебе послан. Это уж как повезёт. Однако Прокофьевна была убеждена: все встречи имеют своё значение.

Что это? Повторение истории? Почему поезд, который долгое время у Молоковки не останавливался, вдруг остановился? Для чего? И отчего вдруг так тревожно?

Прокофьевна тяжело вздохнула и медленно двинулась в сторону станции.

Вера

Вера очнулась со странным и непреодолимым ощущением, что она вернулась домой. Открыла глаза и увидела совершенно незнакомую комнату. Испуг, потом ощущение нереальности охватили её.

Почему я не в поезде?! Что случилось?

Вера попыталась приподняться. Она лежала в незнакомой постели, накрытая ватным одеялом, а поверх него ещё и покрывалом. При малейшем движении лоб покрывался каплями пота, а голова

шла кругом. Вера без сил опустилась обратно на подушки.

Как я здесь оказалась?

Вера медленно оглядела пустую комнату с чистыми белыми стенами и словно застывшей во времени обстановкой. Солнечный свет лился из двух больших окон с низкими подоконниками. Ей всегда нравились разграфлённые белыми рамами окна старых домов. В их скрипучести и потрескавшейся белой краске, из-под которой кое-где оголялось дерево цвета янтаря, она видела уязвимость.

Из таких окон зимой сквозит.

Вера помнила окна, очень похожие на эти. На зиму бабушка заклеивала их двойным слоем бумажной ленты, которая к весне из сливочно-белой превращалась в яично-жёлтую. Но, несмотря на бабушкины старания, из окон всё равно нещадно дуло.

Когда на дворе стояли морозы, стёкла покрывались ледяными картинками. Маленькая Вера могла разглядывать их часами. Разглядывать и выдумывать разные истории, одну загадочнее другой. Она представляла себе, что это особые, для неё одной нарисованные сказки, и что только она умеет их расшифровывать. Бабушка же внучку от окон гнала. Так и играли они в кошки-мышки: Вера

стремилась к подоконнику, чтобы погрузиться в сказочный мир Морозко, а бабушка изо всех сил старалась за ней уследить, чтобы оградить от зимних хворей.

Вера снова осмотрела незнакомую комнату и задумалась.

Отчего мне показалось, что я снова очутилась дома? Наверное, дело в тишине.

Когда муж собрался и ушёл, дома воцарилась такая же глубокая тишина. Вера ходила по пустой квартире, наполненной вещами и воспоминаниями, и ощущала её давление.

В незнакомой комнате мир тоже молчал. Но тут тишина не казалась гнетущей или безысходной. Здесь тишина затаилась в ожидании – и была...

Трепетной...

В молчании незнакомом месте Вере чувствовалось спокойствие. Полежав в раздумьях ещё некоторое время и отчего-то снова утомившись, Вера незаметно погрузилась в тяжёлый, липкий сон. Она металась по подушкам, и тёмные волосы русалочьими прядями опутывали её лоб и шею.

Глеб

В доме было пыльно и тихо. Словно воздух от души накрахмалили перед тем, как сложить в ящик старого комода. От летней засухи здание, казалось, ссохлось и скукожилось. Никаких признаков жизни: ни звука, ни скрипа.

Глеб прошёл в дальнюю спальню. Картина оставалась прежней: Вера лежала в той же позе, как он её оставил, накрытая одеялами до самого подбородка. Её лицо было бледным, губы лишены цвета, а вокруг глаз расплзлись тёмные круги. По мерному глубокому дыханию Глеб понял, что она спит. Хозяин дома стоял перед высокой старомодной кроватью и чувствовал раздражение. Вера вторглась в его спокойный и размеренный мир. Нарушила так тяжело давшийся ему покой.

Почему я должен брать на себя заботу о совершенно чужой мне женщине?

Из-за спины беззвучно подошла Прокофьевна, Глеб повернулся. Прокофьевна смотрела на Веру, и выражение тревоги застыло в её глазах.

Вера

Вера видела сон. Один из тех, что заставляют сердце сжиматься ещё несколько дней, прежде чем

окончательно позабудется и сотрётся из памяти. Она видела деда и их с бабулей старый дом. Дом, вспоминая который хотелось использовать такие запылившиеся от времени слова, как ходики, шифоньер и этажерка. В Верином сне величавая генеральская дача позвякивала от порывов сердитого ветра бесчисленными окнами. Дом, в котором Вера была Верочкой или Веруней. Здесь на ночь дед читал ей длинные и грустные сказки Андерсена.

Вере снилось, что ей восемь. Они с дедом ждут, пока бабуля вернётся от соседки, к которой пошла перехватить сушёного иван-чая. Дедушка пал жертвой неустанной тяги бабули лечить домочадцев травами и отварами. Вот и его самодиагностированный гастрит она изгоняла народными средствами.

Пока бабушки не было, они коротали время на подоконнике. Окно было холодным, и Вера вопросительно взглянула на деда. Он подмигнул ей и принёс с дивана две подушки и маленькое одеяло. Они уселись рядышком на широкий подоконник, и Вера укуталась в тёплую байку. За окнами повис синий купол неба. Дедушка рассказывал Вере её любимую историю о лесной волшебнице с белоснежными локонами, глазами цвета неба и сказочным именем Вале-Тинан. Эту историю Вера

слышала уже раз сто, но она казалась ей намного интереснее всех вместе взятых историй из книжек.

Вера долго смотрела на темнеющее небо, потом закрыла глаза и прижалась к тёплому боку деда. Она слушала его голос и никак не хотела просыпаться от уютного не то сна, не то воспоминания.

А потом вернулась бабушка. Она положила тёплую ладонь Вере на лоб и стала будить, приговаривая:

– Просыпайся, Верушка, проснись. Отвар пора пить.

«Но отвар же для деда!» – запротестовала Вера и проснулась снова в незнакомом месте. Над нею склонилось не бабушкино – другое лицо.

Рядом с кроватью сидела старая женщина с внимательными, пронзительно-голубыми глазами. В руках она держала большую белую кружку. По боку кружки вытанцовывала хитромордая лисица в цветастом сарафане.

– Здравствуй, Верушка. Не пугайся. Ты заболела, и тебя высадили из поезда. Я приготовила отвар, чтобы жар сбить.

Вера перевела взгляд с лисицы на женщину. Её голос был ещё моложе, чем её глаза. Вера

попыталась приподняться, чтобы выпить отвар, но тело не слушалось. После безуспешной попытки она снова упала на подушки.

– Глеб, помоги нам, – обратилась старая женщина к кому-то за своей спиной.

К кровати подошёл мужчина.

– Здравствуй, Вера. Проводница Наталья, помнишь её? Она сказала, что тебя Верой зовут.

В ответ Вера слегка кивнула. От движения в голове словно заходили кузнечные молоты. Они раскачивались в разные стороны, и, когда один ударял в один висок, другой барабанил в противоположный. Вера бессильно прикрыла глаза.

Незнакомец склонился над ней и сказал:

– Меня зовут Глеб. Я хозяин этого дома, и мы с Прокофьевной о тебе заботимся.

После этого он аккуратно приподнял Веру вместе с подушками и устроил её полусидя.

– Глебушка, принеси полотенца для компресса, – попросила женщина, которую Глеб назвал Прокофьевной. Она протянула напиток. Вера подняла, было, руку, но пальцы дрожали, и кружку взять она не решилась.

– Ничего, девонька, я помогу, – сказала Прокофьевна и стала Веру поить.

В один присест выпив горький отвар до дна, Вера откинулась на подушки и глубоко вздохнула. И хоть она и проспала до этого несколько часов подряд, веки её отчего-то снова налились свинцом. Она уже не услышала, как в комнату вошёл Глеб, и не почувствовала, как Прокофьевна разложила на её горячем лбу прохладное полотенце.

Сегодня Вера снова и снова возвращалась в ту часть своего детства, где её поджидали дед с бабулей, их старый дом под соснами и длинные-длинные сказки под шум дождя.

Глеб

Глеб смотрел, как Прокофьевна обтирает Вере лоб полотенцем. По комнате, наполняя собой каждый пыльный уголок, разливался запах настоянных на спирту трав. Глеб молча наблюдал и думал, что все действия старой знахарки выглядят естественными, как сама природа. В этой деревенской женщине, которую Глеб уже давно считал близким другом, не было заигрывания с предрассудками и страхами людей. Она просто приходила на помощь, когда кто-то в ней нуждался.

Приятие Глебом необъяснимых умений деревенской целительницы положило начало для их необычной дружбы, которая позже переросла

в глубокую привязанность. В ту первую их встречу, после того, как Глеб проспал на сеновале четырнадцать часов кряду, он решил не задавать вопросов, а принять случившееся как данность. Он не понимал, откуда Прокофьевна могла знать про его бессонницу. И как могла предвидеть, что в тишине и сумерках сеновала он заснёт самым спокойным за последние полгода сном. Глеб будто чувствовал, что всему своё время, и поэтому оставил вопросы на потом.

После четырнадцати часов сна Глеб чувствовал себя так, будто впервые после полугодового запоя наконец протрезвел. Голова была чистой и ясной. До сих пор он даже не осознавал, насколько устал. Ему казалось, что всё пройдёт само собой. Как-нибудь да рассосётся. Но порой в жизни человека наступает момент, когда уже нет сил справиться самому. Глеб осознал важную вещь: он переступил эту невидимую, но безжалостную черту. Ему нужна была помощь.

В то утро Глеб почувствовал звенящую энергию во всём теле. Энергия создавала в нём низкий непрерывный гул, словно электрические провода под напряжением. Он вошёл в дом. На столе стоял сытный завтрак: греча с маслом, парное молоко, пахучее, с жёлтыми кругами сливок на

поверхности и свежее испечённый хлеб.

– Проходи, садись, – пригласила Прокофьевна. Она положила кашу в тарелку и поставила перед Глебом. Сама за стол не села, а вышла из дома. На еду Глеб набросился, как голодный волк. После завтрака вышел на двор и, не теряя времени на поиск хозяйки, поднял стоявший в углу у забора колун. Он взялся за наваленную тут же кучу дров. Колот до обеда, потом перекусил принесёнными Прокофьевной остатками утреннего молока и хлеба и продолжил рубить и носить наколотое в дровяник до самого вечера.

Когда солнце уже спускалось к мягким верхушкам леса, к Глебу подошла Прокофьевна. Она смотрела на него своим открытым взглядом, который был словно отражением неба, и Глеб видел в нём одобрение и благодарность.

– Давай знакомиться, – сказала она и вместо руки протянула ему полотенце. – Меня Прокофьевной зовут.

– Глеб, – представился он и, не зная, что ещё добавить, воткнул колун в колоду.

Прокофьевна улыбнулась:

– Ну, что ж, Глеб, пойдёшь к колодцу, умойся, будем ужинать.

В доме на столе дымились отваренная

ранняя картошка. Мундиры лоснились маслом. От растекающегося по комнате аромата у Глеба громко заурчало в животе. Картошка была посыпана мелко нарезанным укропом. Украшением стола служили стрелы зелёного лука. Небольшие белые луковки блестели в лучах садящегося солнца, как навощённые, а обрезанные зелёные трубочки распространяли по комнате терпкий аромат. Стол дополняли сваренные вкрутую яйца, свежие огурцы и помидоры, натёртый крупной солью ржаной хлеб. Глебу показалось, что в жизни своей он ничего вкуснее не ел.

На этот раз Прокофьевна составила гостю компанию. Разговор был скупым. Сначала Глеб мучился от того, что не знал, о чём говорить. Но Прокофьевна просто поглядывала на него и вежливой беседы не требовала. И он успокоился, даже поймал себя на мысли, что по-своему наслаждается её обществом.

После ужина они вышли на улицу и больше часа просидели на лавке у забора. К Прокофьевне подходили и подсаживались односельчане. Вели неспешную беседу, обменивались новостями, украдкой поглядывали на Глеба. Никто, однако, не задавал вопросов и не пытался узнать, что он здесь делает. Глеб понимал, что находится под

защитой хозяйки дома. Её авторитет заставлял соседей подавлять любопытство. Конечно, завтра все будут говорить только о нём, будут и сплетни, и пересуды. Завтра со вкусом будут обсуждать, что за беда привела городского со станции к деревенской врачевательнице. Но сегодня никто не осмеливался лезть к ним с расспросами.

Односельчане подходили и уходили, а Глеб и Прокофьевна сидели рядышком на скамейке. Солнце катилось к горизонту. Прокофьевна запрокинула лицо к уходящему свету. Глебу она напоминала подсолнечник, ловящий последние ласкающие лучи.

Вскоре вечер зарделся и быстро, минут в десять, поседел. И хотя они об этом не говорили, Глеб знал, что сегодня снова останется на сеновале. А ещё он знал, что может прийти и заночевать здесь в любой день.

Они вернулись в дом, и Прокофьевна заварила чай. Настой пах лесом, чем-то хвойным и на вкус был горьким. Глеб выпил всё до последнего глотка. Он поблагодарил хозяйку и уже собирался выходить из дома, как Прокофьевна окликнула:

– Глеб!

Он обернулся. Она стояла посреди комнаты и смотрела на него. Между ними словно протянулась

невидимая нить.

– С тобой всё будет в порядке, – сказала она и добавила: – Доброй ночи!

– Спасибо, – ответил Глеб.

Впервые за долгое время он чувствовал, что страх неохотно отступает. Сдаёт укрепленные позиции. Теперь Глеб боролся не один. Рядом появился человек, который не просто мог помочь, но и готов был делать это, не задавая вопросов и не требуя объяснений.

Глеб остановился во дворе, набрал полные лёгкие вечернего свежего воздуха, а потом прерывисто, с детским чувством облегчения выдохнул. В глазах стояли слёзы. Но чувство, которое он испытывал, было чем-то хорошим – это была надежда.

Конец ознакомительного отрывка.

Закажи книгу на juliadietrich.me